

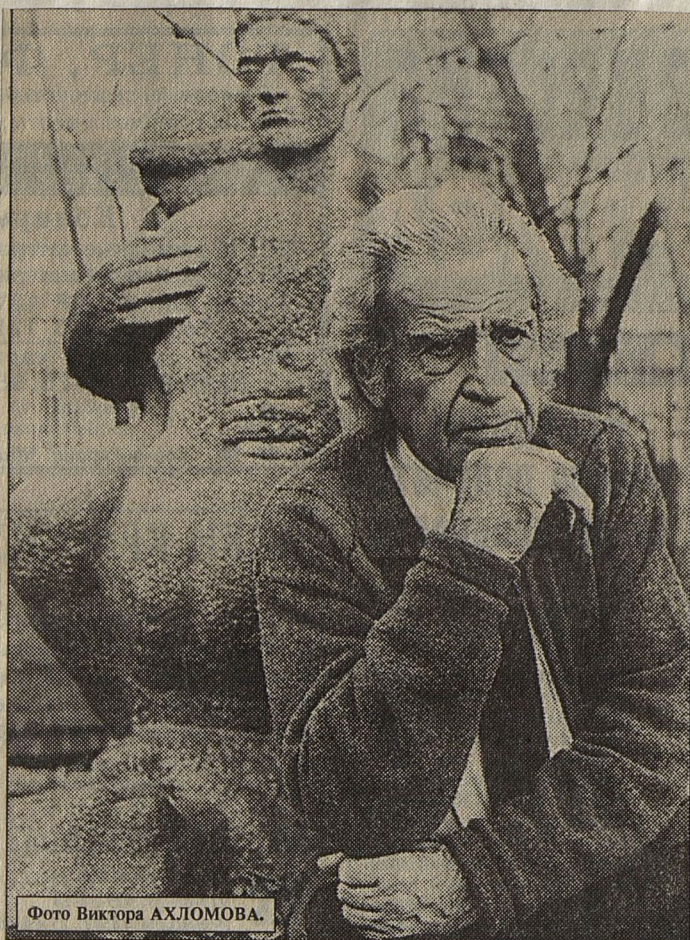

Фото Виктора АХЛОМОВА.

Прославленный МОСКОВСКИЙ армянин

Идея - 1998. - 22 апреля. - С. 8.

В Москве, в Строгановском институте, открылась выставка скульптора и живописца Николая Никогосяна

Это не очередная юбилейная экспозиция, хотя художнику, увенчанному, пожалуй, всеми известными у нас почетными званиями, в октябре нынешнего года исполняется 80 лет.

Это обычный для него отчет преподавателя перед коллегами и учениками, с которым он выступает каждые два-три года. Не случайно о нем говорят: Никогосян отходит от еще не законченной новой скульптуры лишь затем, чтобы отдохнуть за мольбертом у только что начатого пейзажа. «В скульптуре мне хватает всего, кроме цвета, поэтому я занимаюсь еще и живописью», — объясняет художник свои две пламенные страсти.

Все, кто знает Николая Никогосяна, зовут его просто Ника. Приехав в столицу из затерянной в армянских горах деревушки, он уже полвека назад стал московской знаменитостью — человеком без возраста, с безграничным радушием и бесконечными историями о незабываемых встречах. Во дворе его четырехэтажной мастерской собрались, словно на беседу, Мартирос Сарьян и Маяковский, Петр Капица и балерина Наталья Макарова, один из Кукрыниксов — П. Крылов и утонувшая в кресле Елена Фабиановна Гнесина... И на всех этих людей, замечательных по одиночке, смотрит Дмитрий Шостакович, ограждая от суетности мира и превратностей эпохи.

На выставке в Строгановке среди картин и графических листов — фотографии крупных скульптурных работ Ники, которые не поместятся ни под какой крышей. Это монументальные фигуры Муза, Воин, Спорт, Рабочий, а всего двенадцать аллегорий, украшающих высотный дом на Кудринской площади в Москве. На фото: памятники поэту Аветику Исаакяну, композитору Араму Хачатуряну — первый в Русском музее в Петербурге, второй — в Третьяковке. Только в двух этих художественных собраниях России выставлено сорок семь произведений Никогосяна. А сколько их по музеям бывшего СССР, на площадях и улицах разных городов! Даже в Брюсселе, на одной из улиц, можно увидеть его Майю Плисецкую в сенсансовском Лебеде...

Почти юношей Нику назначили главным скульптором проекта Дворца советов — архитектору Иофану его порекомендовал известный дипломат Майский, над портретом которого он тогда работал. Проект вскоре был положен на полку, а Нику отпра-

вили в Варшаву украшать Дворец культуры и науки. К счастью, официальная карьера не задалась. Поселившись наконец в Москве, он нашел себя в скульптурных портретах всех, наверное, выдающихся своих современников, начиная с академика Зелинского. Академику тогда было 92 года, скульптору — 29, и он практически еще не говорил по-русски. Рассказывают, что перед очередным позированием они разминутись, академик выразил неудовольствие, на что Ника вскипел: «Как? Я вас звонил, вам не было домой!». Сегодня это стало анекдотом, а портрет Зелинского — классикой.

Сам Ника вспоминает: «Супруге академика не нравилось, как у меня получается его нос. Я много раз переделывал работу, пока в сердцах не разбил ее, после чего за один день все сделал заново и так осталось навсегда. На что академик заметил: «Вы бы меньше ее слушали. Успех приходит к тому, кто может остановиться вовремя и в нужном месте».

Работая с Луи Арагоном над портретом в полную фигуру, Ника спросил: «Вам нравится?». «Ведь это ваша работа, — пожал плечами Арагон. — Да хоть поверните вверх ногами». Больше он позировать не пришел. Ника позвонил Лиле Брик, познакомившей его с Арагоном. «Луи считает портрет вполне законченным и сердечно благодарит», — ответила Лили.

Ника рассказал об этом, перебирая некоторые портреты, которые считал незаконченными. Повернул ко мне портрет замечательного московского врача, покойного академика Левона Бадаляна. «Он тоже не пришел на очередной сеанс, сказал, что работа завершена. Теперь я понимаю: портрет человека всегда должен нести в себе что-то из его будущей жизни».

Никогосян охотно участвовал в художественных конкурсах, во многих побеждал, но знал и разочарования. Жюри не приняло его Лермонтова, словно вырубленного из кавказской скалы («Лермонтов — это Кавказ», — убеждает Ника). Не поняли проекта памятника Гагарину: в невидимой точке пересеклись падающий Икар и взмывающий Гагарин... «Это ничего, — говорит Ника. — Такова судьба художника. Я еще поработаю».

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».